

Книги

Georges GURVITCH, L'Expérience juridique et la philosophie pluraliste de droit.
Paris. 1935.

Самое заглавие книги проф. Гурвича показывает, что она представляет собою спасительную реакцию против до сих пор еще не вполне преодоленного культа «чистой», игнорирующей жизнь, науки; а содержание основной части ее свидетельствует о столь же здоровом стремлении положить конец связанной с культом «чистой» науки тенденции к обособлению научных дисциплин. То, что автор не отделяет проблем теории права от проблем философии и конкретной социологии — социологии, изучающей не «общество вообще», а реальные, данные в опыте современной жизни общественные отношения, послужит оправданием мне в том, что, не будучи специалистом в области, в которой работает автор, я все же позволяю себе говорить о его книге, поскольку в заключительной части ее он выдвигает и подвергает глубоко продуманному анализу проблему, являющуюся в наше время центральной для каждого историка: проблеме демократии, ее кризиса и преодоления последнего. Заранее оговариваясь, что в дальнейшем

я коснусь вопроса, которого сам автор не поднимает и не мог поднять, ибо это нарушило бы связь в ходе его мыслей, но к которому его изложение неминуемо приводит всякого, кто подойдет к его книге так, как подошел к ней я: не как философ и теоретик права, но как историк. Современная демократия покоится на грехе основных начал, восходящих — это прекрасно показано у автора — к различным по времени их возникновения и по существу источникам: это начало народного суверенитета, начало равенства и начало личной свободы. Идея народного суверенитета укоренена в понятии Народа, Общества, Государства, как блага, коллективной личности, организма. Она связана с центральной католической идеей — Соборности, Всеединства. Идея равенства, коренящаяся в средневековом христианском мировоззрении в такой же степени, что и идея иерархии, получает господство и становится правообразующим фактором в эпоху абсолютной, всеуранивающей монархии. Идея свободы, равным образом религиозная по своему происхождению, связана с еретическими и реформационными движениями начала нового

времени. Сочетание этих идей в идею демократии приходится на время секуляризации государства и общества, господства рационалистических навыков и методов мышления. Подвергнутые соответствующему преломлению в общественном сознании, эти принципы, сочетаясь воедино и тем давая основу для демократии, в то же время вступают в противоречия друг с другом. Мысль вечно колеблется между двумя полюсами: всепоглощающего этатизма в его различных, по существу одинаковых аспектах (национал социализм, коммунизм) и атомистического индивидуализма. Идея Общества, в сущности, исчезает из поля зрения, а в силу этого извращается и идея социализма (в буквальном смысле этого слова). В чем выход? Автор справедливо видит его в углублении и расширении понятия Демократии, в восстановлении идеи Соборности — однако не тем путем, каким следует Отм. Шпан, приходящий к отрицанию идеи равенства, а значит и демократии. Современное правосознание помещает понятие демократии в одном только плане — государства. Этому «одноплоскостному» пониманию автор противопоставляет свою «многоплоскостную» концепцию. Жизнь сама говорит о том, что идея демократии шире и допускает много больше возможностей ее применения. Так, например, Лига Наций является собою пример демократизации (пусть и далеко не вполне осуществленной) междугосударственных от-

ношений. Синдикализм является опытом реализации подлинной социальной, т.е. общественной демократии. В основу коренной общественной и политической реформы должна быть положена идея не абстрактного индивидуума и не во всех отношениях суверенного, служащего единственным источником права Государства, но идея конкретной, реальной личности, органически связанной каждая с целым рядом различных и друг по отношению к другу независимых коллективов, являющихся, каждый, демократически устроенным и обладающим собственным правом организмом, юридической личностью, обладающей собственным правом. Если перенести эти концепции в плоскость имущественных отношений, само собою обосновывается право общественной — а не единично-личной, или государственной — собственности. Субъект так понимаемого права общественной собственности — это уже не просто арифметическая сумма изолированных человеческих единиц, — скажем, обладателей акций какого-нибудь промышленного предприятия, — но реальное общество всех так или иначе участвующих в жизни этого предприятия людей. Критика общепринятых представлений о демократии, сделанная автором, содержит в себе не мало примеров, свидетельствующих, насколько правосознание, как это у него прекрасно пока-

зано, зависит от правоощущения, обусловлено интуицией реальных социальных отношений. Современный «средний человек» должен сделать большое умственное усилие, чтобы понять то, что некогда было чѣм-то само собою разумеющимся, чтобы усвоить себе идею социальной справедливости, которой весь «классический» социализм является сплошным отрицанием. Характерно, например, что до войны в Европѣ общераспространенным было убеждение, что в Англии «нѣтъ социализма», между тѣм как на самом дѣлѣ только в Англии удержались элементы истинного социализма — в различных «церквах», пребывающих в лоѣ общей англиканской Церкви, в «коллегіях», гдѣ учащіеся и учителя являются одинаково «коллегамн», в трэд-юнионизмѣ. Нужно ли упоминать о том, что идея кооперации проникла на европейскій материк из Англии, и что в Америкѣ, этом во многих отношениях, так сказать, кривом зеркалѣ своей бывшей метрополн («общества» гангстеров!), была все же сделана единственная попытка организацин крупной промышленности на общественных началах (дѣло Форда)? Англосаксонская демократія выросла из общины — и как нельзя болѣе показательна терминологическая «ошибка», употребление названія нижней Палаты в значенн Палаты Общин, между тѣм как первоначально «commons» (старофранцузское «li commons»), значило «простые люди». На дѣ-

лѣ, «палата простых людей» была уже тогда представительством общин, а не человеческих единиц, сходящихся для голосования. Дух соборности, общественного починна, непосредственное переживание Общества как реальной величины, никогда не угасали в Англии, хотя Англія же была вмѣстѣ с тѣм и родиной правового индивидуализма. На европейском континентѣ демократія создавалась и окрѣпла в эпоху национальных войн, всеобщей воинской повинности, которой не знали англо-саксонскія страны. Казарма и капиталистическое предприятие, были и остаются величинами, которых структура определяет собою европейскую интуицію общества и человеческих отношений, и тѣм самым господствующія направленія европейской общественной и политической мысли. Социальная демократія, в том смыслѣ как ее понимает автор, представляется неосуществимой в мирѣ, состоящем из системы политических тѣл, в каждом из которых понятія народа и войска (populus) совпадают, как это было в Римской Республикѣ, продолжавшей приблизительно тѣ же стадіи развитія, через которыя проходит на наших глазах Европа: от демократіи к основанной на началах народного суверенитета и равенства диктатурѣ Цезарей и к «управляемому» хозяйству (литургическая система) с его режимом принудительно создаваемых корпорацій. Исходной точкой реформы могло бы быть

только создание общества народов, которого нынѣшнее Общество — на самом дѣлѣ не «націй», а государств — является лицемѣрным искаженіем.

П. Бицилли.

BORIS SOUVARINE. Staline.

Paris. Plon. 1935. 574 p.

О Сталинѣ, самом молчаливом, самом загадочном из тиранов послѣвоенной Европы, книга в 574 страниц! Читатель с жадностью перелистывает ее, ища сенсационных разоблаченій. Разоблаченій он не находит: личность Сталина по-прежнему едва выдѣляется из окутывающаго его мрака. Но зато она дана на отчетливо, даже мастерски очерченном фонѣ русской революціи, для пониманія которой автор обладает сочетаніем многих данных.

Выходец из Россіи и бывший член французской коммунистической партіи, Б. Суварин использовал для своей книги огромную литературу, как русскую, так и иностранную; при чем русскую трех направленій: официально-сталинскую, оппозиціонно-троцкистскую и эмигрантскую. Уже за одну компиляцію всего этого, трудно доступнаго матеріала русский читатель был бы благодарен автору. Но перед нами не компиляція: перед нами написанная кровью, изнутри пережитая исторія разложенія и гибели партіи Ленина. Чтобы написать ее,

нужно было с восторгом приветствовать Октябрьскую революцію, видѣть в Ленинѣ и Троцком своих вождей и пережить постепенное угасаніе революціоннаго лавоса, перерожденіе революціи в новое и худшее изданіе крѣпостного московскаго царства.

Точка зрѣнія автора, таким образом, противоположна русской пореволюціонной тенденціи идеализаціи Сталина, как національнаго завершителя революціи. Для Суварина дорого именно октябрьское содержаніе революціи, Сталиным ликвидированное. Однако, автор и не вульгарный троцкист. При всем уваженіи к Троцкому, он ясно видит всѣ его политическія слабости. А самое главное, он ясно видит, в условіях старой Россіи, всю невозможность осуществленія в ней социализма в смыслѣ освобожденія трудящихся. Быть может, идеализируя Ленина, он приписывает ему эту свою пронизательность *post eventum*. В его глазах, Нэп должен был быть очень долгим періодом вращанія Россіи в социализм. Внѣ этого оставался путь террора, который логически, вмѣсто социализма, приводил Россію к самодержавію. Этот призракъ старой Россіи постоянно возвращается под пером автора. Цитаты из писем де Кюстина, рисующих Россію Николая I, естественно и легко характеризуют бытъ Россіи революціонной.

То, что дает нам книга Суварина, это, конечно, не исторія русской революціи, но исторія компартіи в революціи. Народ